

Введение

Монета как на ладони

Монете можно говорить по-разному — серьезно, увлеченно, страстно, упрямо. Монета всегда была объектом наблюдений, мнений и оценок. Среди человеческих творений мало предметов такого всеобщего и длительного применения, которые возбуждали бы такой же всеобщий интерес, а порой и сильные эмоции. Немного найдется и таких явлений, которые, однажды вызванные к жизни, в течение двух с половиной тысяч лет, то есть большую часть истории мировой цивилизации, и в европейском, и в азиатском — вплоть до Дальнего Востока — регионах, в столь разных обществах сохраняли бы неизменную, по сути, форму и исполняли бы неизменную функцию. Наконец, мало, а может быть, и вовсе нет предметов, которые, подобно монете, одновременно были бы связаны с великими потоками политической, экономической и социальной деятельности государств, регионов и континентов, с судьбами отдельных людей и семей в их каждодневной жизни, с вещественным миром, существующим на протяжении эпох.

Почти две тысячи лет монета олицетворяет великие богатства, и не только материальные. Она является овещением более древнего понятия денежной единицы, истоки которого теряются в глубине истории человечества, и которое находило свое домонетное воплощение в разных формах: скот и меха, орудия труда и оружие, раковины и зерно, украшения, слитки металла и многие другие предметы. Однако опыт и практика показали, что самой удобной формой денежных единиц, лучше всего приспособленной для их постоянного обращения, являются небольшие металлические кружки, легко помещающиеся на ладони, имеющие одинаковый вес и снабженные знаком, гарантирующим их стоимость. Открытие этих кружков ускорило развитие денежных форм хозяйствования так же, как изобретение колеса ускорило развитие транспорта. Монета, создан-

ная параллельно и независимо в нескольких центрах цивилизации — в Малой Азии, Греции, Индии и Китае, — на столетия стала оптимальным воплощением самой идеи денег.

О причинах и обстоятельствах возникновения денег высказано множество разных, порой противоречивых мнений. Наряду с предпосылками экономического характера, касающимися, прежде всего, облегчения обмена имуществом, указываются предпосылки правовой, нравственной и культовой природы, приведшие к формированию мерила стоимости, средств ее сохранения и перемещения, а также к формированию соответствующих единиц стоимости и целых денежных систем. Эти вопросы чрезвычайно сложны, часто неясны из-за отсутствия источников или запутаны слишком поспешными попытками разрешить все сомнения. Здесь мы не будем их обсуждать, поскольку домонетные деньги, называемые также товаро-деньгами, хотя и функционировали в Средние века в небольшом объеме, все же не укладываются в рамки этой книги. Являясь производным и выражением существовавших тогда экономических и общественных отношений, товаро-деньги тем не менее не несли в себе культурного содержания. Ни волю, ни раковины, ни топоры, ни кольца, ни мера зерна или слиток металла сами по себе не были произведениями культуры, ибо даже отчасти не относились к тем плодам цивилизации, которые причисляются к так называемой материальной культуре. Только монета, благодаря помещенному на ней оттиску штемпеля, приобрела, помимо других качеств, обусловленных ее физическими характеристиками, и качество символа, являющегося одним из элементарных и основных категорий понятия культуры.

Знак на монете, без учета его содержания и формы, изначально был знаком государя, который таким образом придавал куску металла характер единицы стоимости и становился ее гарантом. Следовательно, с момента своего создания монета была продукцией государства в самом широком значении этого слова. В античной древности ее использовали великие империи и отдельные города, в Средневековье — королевства и графства, епископства и монастыри, в Новое время встречаются даже монеты частных лиц. Во всех случаях — и тогда, и по сей день — это был инструмент власти, ее индикатор, а иногда и пробный камень. Но не только. Государь устанавливал обязательный стандарт драгоценного металла, создавал монетные единицы и целые системы этих единиц, определял их внешний вид и условия обращения, а монеты, попадая в руки населения, начинали свою собственную жизнь, зачастую независимую от воли и намерений эмитента, послушную экономическим законам и соответствующую реальности. Они, как и любой другой продукт, являются не только производной совокупности исторического процесса, характерного для данной эпохи, но и одним из ее факторов, и одним из ее свидетельств, не ограниченным четко выделенным кругом проблем.

Основной областью, определяющей место монеты в истории, естественно, остается сфера экономических явлений, однако наряду с ней, а может, даже

вместе с ней обнаруживаются и другие области, касающиеся политики, истории государства и права, религии, искусства, культуры. Последняя очерчивает рамки этой книги, поскольку очевидно, что она пересекается или затрагивает все остальные области, а в некоторых случаях даже превалирует над ними.

Место монеты в истории культуры может рассматриваться с разных точек зрения, представляющих ее как активную, так и пассивную роль в формировании истории вообще. Естественно, мы опустим здесь всю немаловажную проблему роли монеты как денежного средства, служащего нуждам культуры. Опустим также, что, может быть, менее очевидно, вопрос культуры использования монеты в денежном обращении, выражением которого являются, например, торговые расчеты. Мы ограничимся областью, где центральным объектом и непосредственным предметом наблюдений является монета — именно кружок из металла с отиснутым знаком, — понимаемая как проводник элементов культуры, как их носитель, следовательно, как один из факторов, способствующих развитию культуры, но также как источник их познания, особенно ценный для давних эпох, скупых на свидетельства происходивших событий.

Поставленная таким образом проблема о месте и роли монеты в истории культуры имеет длительную традицию исследований и значительную литературу, обнаруживающую медленные, но заметные изменения как в круге рассматриваемых вопросов, методов и результатов работ, так и в самом профессиональном составе авторов, занимающихся этой темой. Если в XVIII и даже в XIX веке эти исследования проводились главным образом историками, которые в свои размышления среди прочих включали и нумизматические памятники (здесь достаточно упомянуть только Иоахима Лелевеля), то со второй половины прошлого века, а тем более в нынешнем столетии, по мере развития исследовательской специализации, за эту проблематику в большинстве своем берутся только нумизматы. Зато историки культуры и особенно историки искусства все меньше обращаются к монетным источникам в своих исследованиях, иногда попросту заявляя об отсутствии соответствующей научной компетенции. Это наблюдение не касается древней истории, в рамках которой давно известная и признанная ценность нумизматических источников по-прежнему в полной мере уважаема исследователями античной культуры, хотя и там, естественно, усилилась специализация, особенно в области собственно источниковедческих работ. Однако ни один исследователь культуры Древней Греции или Рима не может отгородиться отсутствием знания нумизматического материала, как это имеет место в случае Средневековья, не говоря уже о Новом времени. В этой области объем информации, предоставляемой античными монетами, по сравнению со средневековыми, несомненно, гораздо больше, а традиция целостного восприятия всей античной культуры — значительно старше и более развита, нежели аналогичный подход, относящийся к культуре Средних веков. По этой причине интерес к отдельным монетам Древнего мира, даже имеющим характер локальных эмиссий, был и остается более

широким, чем интерес к средневековым монетам. Только некоторые их виды вошли в международный поток исследований. К таковым относятся, прежде всего, византийские монеты, рассматриваемые как существенный элемент изучения и умозаключений, касающихся политической, экономической и культурной истории Восточной Римской империи; в определенной степени сюда относятся ранние эмиссии латинской Европы, особенно Каролингской монархии, и отчасти мусульманские монеты, хотя это уже продукт иной культуры и предмет другой исследовательской специализации.

В подавляющем большинстве средневековые монеты, созданные в границах отдельных европейских государств и использовавшиеся иногда на довольно малой территории, остаются предметом пристального внимания исследователей, работающих над историей своего края. Тем не менее, данное обстоятельство не меняет того факта, что все эти монеты относятся к одной большой совокупности, очерченной рамками средневековой европейской культуры, которая, несмотря на все свое внутреннее разнообразие, является понятием не только условным.

Совокупность монет, о которых рассказывает эта книга, и правда, очень разнородна и сложна, но по крайней мере, по внешнему виду — однозначна, так как обусловлена пространственными, хронологическими и предметными рамками, в которые обычно заключают историю средневековой Европы, а точнее, Европы христианской. За ними остаются, с одной стороны, области, захваченные арабами, такие как Пиренейский полуостров или Сицилия в VIII—XII вв., монеты которых относятся к произведениям мусульманского мира, с другой стороны, — языческие земли, за малым исключением вообще не обладавшие собственной монетой. С течением времени пространство рассматриваемой здесь территории постепенно расширяется от областей римского наследия на востоке и западе, выпускавших монетную продукцию уже на заре Средневековья, вбирает в себя страны Центральной, Восточной и Северной Европы, которые преимущественно в X в. вошли в круг христианских государств и вместе с тем в «клуб» эмитентов монеты, а также земли, отвоеванные у мусульман в XI—XII вв., в том числе и захваченные в Святой земле, то есть уже вне Европы, вплоть до самого последнего языческого оплота — Литвы, до конца XIV в. не знавшей ни христианского Бога, ни собственной монеты.

Ограниченный таким образом предмет исследования, хотя и суженный до области христианской цивилизации, все-таки остается достаточно разнородным. Прежде всего, он демонстрирует разделение Европы на латинскую и греческую, которое на фоне монетной истории видно столь же отчетливо, как и во всех иных областях истории культуры. Это в свою очередь выявляет различные региональные деления, большие или меньшие области с характерными чертами, типичными для страны, культурного региона или даже отдельного поселения. Таким образом, свои специфические черты имели итальянская, английская или

русская, а также скандинавская, центральноевропейская или балканская, и еще константинопольская, венецианская или тверская монеты. Конечно, с течением времени происходили изменения и преобразования: монеты каролингского периода, XII и XV веков даже на первый взгляд различаются столь же сильно, сколь разными были государственные организмы, которые их породили, и сколь различной была культура этих эпох.

Но при всех этих различиях монеты средневековой Европы являются совокупностью, очевидным образом отличающейся от других групп, и, прежде всего, от соседних арабских монет — большого и очень плотного комплекса, простирающегося от Испании через Северную Африку до Ближнего Востока и далее — до Центральной и Юго-Восточной Азии. Еще сильнее они должны отличаться от монет более отдаленных ареалов цивилизации — персидских, индийских, монгольских или, наконец, китайских, не говоря уже о менее значительных. Но вместе с тем во всех частях света монеты обнаруживают много сходных черт, вытекающих не только из их основной функции денег, но и из функции носителя культурных явлений, выраженных на разных языках и внешне разными способами, но повсюду несущих близкое по смыслу содержание. Также повсюду они становились средством взаимопонимания между людьми и не только в экономических вопросах.

Названные выше культурные области не были изолированы, они часто пересекались между собой и влияли друг на друга. Монета как средство взаимопонимания и как предмет, предназначенный для длительного обращения, часто проникала через границы не только государств, но и культур, неся на чужие территории информационный заряд, очевидно, не всегда там понятный. Но и сама монета не раз подвергалась влиянию иных культур, хотя бы для увеличения области распространения. Об этом еще не раз будет сказано, особенно в части, посвященной монетам, возникшим или использовавшимся на границах христианского и мусульманского миров.

Участие монеты в представлении отдельных культурных явлений выражалось как в содержании и форме ее штампа, так и в самом способе ее функционирования в роли средства сообщения. Самой частой темой монетных штампов в Средние века, как, впрочем, и в другие эпохи, являлись мотивы, относящиеся к области политики. Они охватывают изображения, символы и надписи, касающиеся существования и функционирования соответствующего государства, отражая его статус и устройство, иногда даже политическую программу, выраженную либо в титулах государей и девизах, либо в привязанности к давним традициям, понимаемым как образец для подражания. Другим повсеместно демонстрируемым содержанием монеты являются элементы религиозной культуры: изображения, символы и надписи, почерпнутые из сферы христианской доктрины и, как исключение, даже из давних языческих верований, не говоря уже об отдельной области мусульманских монет, представляющих один из многих филиалов ислама.

Эти две главные тематические группы, казалось бы, такие разные, в средневековой действительности трудно отделить друг от друга, так как они проникают друг в друга, взаимно обуславливают и создают общий комплекс, в котором не всегда можно различить, что есть *sacrum* [1], а что *profanum* [2]. Впрочем, эта ситуация типична для всей культуры Средних веков, но в нумизматическом материале она проявляется с особой остротой.

Конечно, существуют и иные области культуры, в которых средневековая монета занимает свое место. Как произведение мелкой пластики она принадлежит сфере художественного творчества; иногда бывает памятником права или выражением исторического сознания своих творцов. Как продукт монетной мастерской она является составной частью материальной культуры. Как массовая продукция, создававшаяся и распространявшаяся во многих тысячах экземпляров, она служит элементом общественной культуры, своеобразным *mass medium* [3], использовавшимся для передачи закодированной в ее штемпеле информации.

Эта последняя позиция отмечает, может быть, важнейшую функцию монеты как культуротворческого явления в те времена, когда еще не существовало иных средств столь всеобщего, массового влияния. В остальных аспектах роль монеты менее выражена: скромный объем встречающихся на штемпелях текстов не дает значительного вклада в средневековую словесность; иконография штемпелей, при всем ее богатстве, не занимает особо выдающегося места в общем контексте романской или готической пластики. Такому обобщению, конечно, можно противопоставить множество примеров, относящихся хотя бы к ранним надписям на национальных языках или же к высокохудожественным достоинствам отдельных штемпелей, но они вряд ли повлияют на эту принципиальную оценку, которую подтверждает относительно малый интерес, проявляемый к нумизматическим памятникам со стороны историков искусства и культуры Средних веков. Зато как средство распространения информации монета не имела себе равных вплоть до изобретения книгопечатания.

Информационный процесс всегда идет в двух направлениях, определяемых отправителем и получателями. Первое из них обычно распознать легче, в нашем случае оно зафиксировано всем неисчислимым нумизматическим материалом. О процессе получения и о результативности переданного этим путем сообщения можно делать выводы лишь опосредованно, методом дедукции. Однако, наверняка, этот процесс шел, стимулируемый мощным фактором экономической жизни. Никакие другие *mass media* не имели и, пожалуй, до сих пор не имеют столь же универсального и приоритетного носителя. Монета, постоянно передаваемая из рук в руки, всегда нужная, желанная и внимательно рассматриваемая, имела больше шансов повлиять на воображение своих пользователей, но при условии, что помещенное на ней сообщение было понятно, выражено на языке,

* Здесь и далее в квадратных скобках комментарии переводчика (с. 511–526); (с. 582–593).

характерном для данного культурного круга, и соответствовало интеллектуальному развитию получателя.

Как и многие другие произведения средневековой культуры, монета в своем культуротворческом срезе является продуктом до некоторой степени элитарным, появившимся, как правило, в придворной среде, при участии государя, епископа или крупного сеньора, позже — в кругах городского патрициата. Именно там программировалось содержание и определялся внешний вид штемпелей, изготавливавшихся специалистами-монетчиками под надзором тех же властей. Вероятно, бывали случаи, когда весь этот процесс спускался на ступеньку ниже — в небольшие местные мастерские, не располагавшие достаточным интеллектуальным базисом для создания самостоятельных проектов. Однако тогда чаще всего прибегали к подражанию уже существующим образцам, либо выпускали примитивную продукцию, отражавшую тщетные попытки сделать монетное искусство массовым. Отмеченный повсеместно процесс постепенного продвижения культурных явлений из наиболее развитых центров в более отдаленные места и одновременного распространения на все более низкие ступени общественной лестницы и здесь находит многократное подтверждение.

Но особой чертой монетной продукции является предназначение ее произведений для всеобщего неограниченного использования, направление в руки получателей, не выбиравшихся ни с точки зрения общественного статуса, ни с точки зрения образования. В отличие от многих написанных текстов, от миниатюр на листах рукописей, от произведений ювелиров и даже в отличие от печатей, родственным монетам с точки зрения передаваемого с их помощью содержания, — находящиеся в обращении монеты не были заповедником для той элитарной группы, которая их создавала. Тем не менее, значительная часть информационной нагрузки, заключенной в их штемпелях, сформулирована без учета этого массового потенциального получателя, и по сути своей могла быть и, вероятно, была адресована только той же немногочисленной элите. Это относится уже к информации, содержащейся в надписях, в течение долгого времени и на значительных пространствах средневековой Европы доступной только духовенству. Это же касается латинского языка, распространение которого приблизительно соответствовало границам грамотности, ко многим религиозным и отчасти государственным символам, понятным только узкой группе посвященных. Таким образом и здесь возникает ситуация, в определенной степени аналогичная церковному убранству, особенно в романскую эпоху: также предназначенное для использования всеми верующими, оно все-таки было произведением высоко элитарной культуры, которая изъяснялась на собственном языке искусства и символики, понятном только узкой группе его авторов и малой части пользователей. И в том, и в другом случае, естественно, это были разные степени посвящения и разные уровни творчества. В обоих случаях следует считаться с объективным воздействием не только на компетентных адресатов, но и на те самые толпы

непосвященных, с влиянием, может быть, часто не согласующимся с первоначальной программой, но все же вносящим своеобразный вклад в процесс распространения некоторых элементов культуры.

Обозначенные выше темы и проблемы станут предметом нижеследующих размышлений. Мы разделили их на две основные части: первая посвящена представлению главных областей средневековой культуры, в которых монеты являются важным фактором, и для знакомства с которыми они дают существенный источниковый материал; во второй, большей части, рассматривается наиболее ценная информация, содержащаяся в штемпелях средневековых монет и касающаяся отдельных культурных явлений. Этот перечень вопросов, конечно, не полный — такой в принципе невозможно составить — и тем более недостаточный, чем разнообразнее информация, поставляемая средневековыми монетами. Вопреки иллюзии, возникающей из-за ограниченного объема штемпелей и их единообразной формы, они представляют собой исключительно многосторонний источник исторического познания, и только от исследователя зависит, насколько богатый, яркий и точный образ прошлого он сумеет создать из этих сведений. Поскольку это, может быть, наилучший пример источника, заключающего в миниатюрной форме великие проблемы истории.